

К ВОПРОСУ О ПАДЕНИИ ПАРФЯНСКОГО ЦАРСТВА

Время династии Аршакидов — один из темнейших периодов в долгой и славной истории Ирана. Не является неожиданностью, что мы знаем гораздо больше об Ахеменидах и Сасанидах, чем о парфянах: наследники парфян были еще более нетерпимы по отношению к своим предшественникам, чем Аббасиды по отношению к Омеядам,

¹ Поэтому попытку М. Шнипера объяснить название должности *mdwbr* «чиновник винного склада, виночерий» из арамейского нельзя признать удачной, да и сам автор признает, что его этимология небезупречна (см. «Semitica», V, стр. 77). Конечно, такой основной термин канцелярии, как «писец», передается в традициях арамейской канцелярии, по-арамейски; но уже «начальник писцов», *drgrpt*, пишется по-парфянски. «Сатрав», как уже говорилось, пишется и в раскрытом написании, и гетерографически. Остальные названия должностей — около десятка — все пишутся только по-парфянски.

² Следует также отметить правильное объяснение формулы *HM̄R ʿTYQ* в одном из неизданных документов как «старое вино» — термин, противопоставляемый понятию «новопроизведенное вино» — *nwrst*, *HM̄R nwrst*, *HM̄R HDT*.

Мы знаем по Масуди, что персы времен Сасанидов фальсифицировали хронологию событий от Александра Македонского до Ардашира, вождя, свергнувшего парфянскую власть, причем сократили вдвое 510 лет парфянского владычества. Фальсификация эта, говорит Масуди, была предпринята потому, что по зороастрийской эсхатологии империя персов должна была пасть через тысячу лет после Зороастра¹. Согласно персидским традициям, Зороастр жил за 300 лет до Александра Македонского. Таким образом, сасанидские мобады и хербады (herbad) и государственные чиновники пошли на подлог, чтобы обмануть судьбу. Однако то рвение, с которым Ардашир истреблял оставшихся в живых представителей Аршакидской династии, указывает на сильное чувство вражды против предшествовавшей династии. Вероятно, это самое чувство и было причиной сознательного умаления достижений парфян со стороны Ардашира и других сасанидских шахов.

«Шах намэ» Фердоуси, отражая персидскую традицию, отводит Аршанидам всего лишь несколько строк. В свое оправдание Фердоуси заявляет:

ēū kōtāh šud šāḫ ō ham bīḫēšān,
negōyed jahānd de tārtīḫēšān.
az ēšān bijoz-e nām nešenīde-am
ne der nāme-yi ḫosrovān dīde-am.

«Раз их корни и ветви были коротки,
Их прошлое нельзя назвать великим,
Я слышал только их имена
И не нашел их в книге царей».

По сравнению с информацией, даваемой классическими (греко-римскими) писателями, иранские источники об Аршакидах бедны и незначительны. О парфянах мы знаем от их врагов, писавших по-гречески и по-латински. Классики хорошо изучены, и вполне понятно, почему книга Н. Дебеуза «Политическая история Парфии»² содержит мало нового материала по сравнению с «Шестой монархией древневосточного мира» Джорджа Ролинсона. Чтобы осветить парфянскую историю, надо привлечь новый материал, и особенно археологические и письменные памятники самих парфян.

Свыше десяти лет, как были найдены парфянские надписи; частично расшифрованные в настоящее время, они проливают новый свет на власть Аршакидов в Иране и Средней Азии (Central Asia). Во-первых, необходимо упомянуть о фрагментах манускрипта на парфянском языке, найденного в китайском Туркестане немецкой экспедицией Грюнведела и фон ле Кока еще до первой мировой войны. Опубликованных текстов достаточно, чтобы ясно увидеть разницу между парфянским и сасанидским среднеперсидскими языками³. Было опубликовано несколько работ о парфянском языке, в том числе ценное исследование о системе глаголов⁴. Во-вторых, до нас дошли некоторые значительные надписи сасанидского периода в сопровождении их парфянской версии. Я имею в виду трехязычную надпись, обнаруженную у так называемой каабы Зороастра в Накши-Рустеме, которая недавно опубликована Спренглингом⁵, и двухязычную надпись из Пайкули, впервые опубликованную Герпфельдом. Выше-названные надписи необыкновенно ценны для изучения парфянского языка, ибо они даны в разных версиях, но потребуются еще много усилий, прежде чем мы сумеем разрешить сложную задачу их расшифровки и расшифровки более ранних парфянских материалов.

Язык надписей сасанидских царей уже далеко зашел в своем развитии, и эти надписи не проливают так много света на историю парфянского языка или самих парфян

¹ Kitab al-tanbih, ed. M. J. DeGoeje, Leiden, 1894, стр. 97—98.

² N. Debevoise, A Political History of Parthia, Chicago, 1938.

³ См. публикации Геннинга, Ленца, Гансена и других.

⁴ A. Ghilain, Essai sur la langue parthe, Louvain, 1939.

⁵ M. Sprengling, Third Century Iran, Sapor and Kartir, Chicago, 1953.

как более ранние надписи, которые читаются с большим трудом. Я имею в виду остраки Дура-Эвропос, надписи, обнаруженные в разных местах Ирана, и в особенности ранние находки экспедиции проф. М. Е. Массона при раскопках в Нисе, древней столицей парфян, на территории современного Туркменистана. Эти-то мелкие надписи положены в основу настоящего исследования.

В 1930 г. Х. Х. Шедер опубликовал два важных исследования: «Ezra der Schreiber» и «Iranische Beiträge», в которых он выставил свои положения относительно имперско-арамейского («Reichsaramäisch») и истории пехлевийского письма. В Festschrift в честь Герцфельда уже кратко обсуждался¹ этот вопрос, но лучше обратиться к словам самого Шедера: «Практика ахеменидских канцелярий, в которых употреблялся арамейский язык, продолжала иметь место и после падения ахеменидского владычества в Иране. Постепенно стали все меньше употреблять арамейский и начали писать на иранских языках, но большое количество арамейских слов было удержано в виде идеограмм. Так был создан среднеперсидский язык»². Техника писать по-арамейски, но читать написанное на каком-либо другом языке ахеменидской империи получила у Эзры, 4, 18, наименование *mərogaš*. Гипотеза Шедера подверглась всесторонним обсуждениям и в общих чертах была принята учеными³. Однако сравнительно недавно советские ученые В. А. Лившиц (иранист) и И. М. Дьяконов (ассириолог) поставили под сомнение тезис Шедера. Они предполагают, что употребление арамейских идеограмм упрощало иранские тексты, или вернее, что идеограммы были введены в иранский текст, дабы упростить письмо и чтение иранского языка, ибо на первый взгляд иранские тексты, написанные арамейским шрифтом с арамейскими идеограммами, кажутся проще, чем чисто иранские тексты, написанные арамейским шрифтом⁴. Иранский текст, написанный арамейским шрифтом, привел бы к многочисленным ошибкам, а введение арамейских идеограмм сделало бы его более удобочитаемым (конечно, для того, кто знал арамейский язык). Шедер, продолжают советские ученые, предполагал, что Дарий ввел в Иране две формы письменности: древнеперсидскую клинопись и арамейскую письменность, но последнее предположение не подтверждается имеющимися данными. В семидесятом параграфе Бехистунской надписи Дарий говорит⁵: «Милостью Ахурамазды это моя надпись, которую я сделал. Кроме того, она была составлена на арийском языке и на глиняных табличках и на пергамене. Кроме того, я изваял свое изображение. Кроме того, она была поставлена на свое место. И надпись была показана мне и прочитана передо мной. Потом я отослал эту надпись во все провинции. Народ приступил к работе»⁶.

¹ *Archeologica Orientalia in Memoriam Ernst Herzfeld*, N. Y., 1952, стр. 96—101.

² *Ezra der Schreiber*, Tübingen, 1930, стр. 47.

³ См. F. R o s e n t h a l, *Die Aramaistische Forschung seit Nöldeke*, Leiden, 1939, стр. 72—82; J. L e w y, *Hebrew Union College Annual*, Cincinnati, 1954, стр. 169—208.

⁴ И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, *Налоговые парфянские документы II в. до н. э. из Нисы, МИОТАКЭ*, 1951, вып. 2, стр. 52—53. «Таким образом, Дарий I действительно ввел в официальное употребление одну новую письменность, а именно — иранскую письменность на арамейской основе, но не в ее «пехлевийском» виде, а, повидимому, без идеограмм, которые, вероятно, были введены позже (но еще в пределах времени существования ахеменидской же державы) для облегчения чтения текста, поскольку письмо без кратких гласных, сравнительно хорошо передававшее арамейские грамматические формы (в особенности глагольную флексию), было трудным для понимания, так как не передавало богатой староиранской системы гласных флексий» (стр. 54).

⁵ R. K e n t, *Cameron's New Readings of the Old Persian at Behistan*, JAOS, 72 (1952), стр. 13.

⁶ «Надпись» Леви (ук. соч., стр. 173) читает как «официальный рапорт»; «народ приступил к работе» — как «их люди ее переводили».

Эламская версия содержит, после слов «на арийском», фразу, «которой раньше не было», отсутствующую в древнеперсидской версии. В. Лившиц и И. Дьяконов считают, что этот «арийский» язык был персидским, выраженным при помощи арамейской письменности, и был чисто иранским языком, причем для его упрощения писцы употребляли идеограммы. Это произошло до падения Ахеменидов.

Арамейские идеограммы в среднеперсидском языке часто встречаются в виде формул или употребляются неправильно, например MDM вместо QDM, что дает основание предполагать, что идеограммы эти были взяты писцами из практики ахеменидских канцелярий и вставлялись в иранские тексты для упрощения последних.

Главной опорой этой новой теории служит Накши-Рустемская надпись, которую принимают за древнеперсидскую. Она была опубликована всего один раз у Герцифельда в «*Altpersische Inschriften*», В., 1938. Основываясь на транскрипции этого текста у Герцифельда, В. Лившиц и И. Дьяконов находят следующие слова: ТУ — tua; WT — uta; K'R — kara; НУ — hua и HSYTY VZRK — *χ̄šayaūiya vazrka*. В 20-й строке они читают []RTGSS — Артаксеркс¹.

Я изучал эту надпись на месте и по каучуковому оттиску, принадлежащему проф. Лондонского университета Хеннингу. В надписи есть иранские формы, но имени Артаксеркса там нет. Проф. Хеннинг сказал мне, что он нашел имя Slyvk или «Селевк». Во всяком случае эта надпись не принадлежит эпохе Ахеменидов и датируется, вероятно, эпохой Селевкидов или послеселевкидским периодом. Кроме того, расшифровка древнеперсидских слов, предложенная В. Лившицем и И. Дьяконовым довольно сомнительна. Нужно иметь в виду, что термин «арамейский» употребляется очень широко, и нельзя быть уверенным, что та или иная надпись действительно написана на арамейском языке².

Я не претендую на знание арамейского, но кое-что относительно надписи Накши-Рустема можно отметить, несмотря на плохое состояние текста, пострадавшего от времени и потерявшего целые слова, которые не могут быть прочитаны (мне непонятно, как можно найти староперсидские слова в такой надписи арамейским шрифтом, в которой даже невозможно установить порядок чтения). Те буквы, которые можно разобрать, по моему мнению, восходят ко времени мелких властителей Фарса или Персиды после македонского нашествия. Я имею в виду таблицы алфавитов в работах Хилла и Алотта де Фюи³, где алеф, гимель, хет, каф, шин и тау идентичны тем же буквам в надписи Накши-Рустема. Последняя, вероятно, была высечена на скале около 200 г. до н. э., так что ее язык должен быть разновидностью среднеперсидского, а не древнеперсидского языка.

Этого и следовало ожидать. Ларчик открывается просто. Что может быть естественнее непрерывного продолжения культуры в Фарсе от Ахеменидов к грекам, парфянам, Сасанидам и даже до Ирана наших дней? Но ожидаемый ход событий часто не привлекает внимания некоторых историков или ориенталистов, которые ищут в надписях сенсационных откровений, способных перевернуть вверх дном наши обычные взгляды на историю.

Вернемся к вопросу об арамейском языке. Я считаю, что тезис Шедера остается правильным. Арамейский язык был языком писцов, лингвой-франка ахеменидской империи, но даже до падения последней делались попытки использовать арамейский шрифт для других языков⁴. Древнеперсидский язык Бехистунской надписи был уже во время Дария традиционным архаическим языком, на котором в Иране никто не го-

¹ В эфептинском папирусе *ṛtxššš*. Там же форма *ṛtxššy*.

² С. F. Altheim в «*La Parola del Passato*», 31 (1953), стр. 317.

³ G. F. Hill, *Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia*, L., 1922, CLXII; A. de la F u y e, *La numismatique de la Perse*, «*Corolla Numismatica*», Oxford, 1909, стр. 96.

⁴ Шедер ошибается, когда он думает, что арамейский язык был одинаков с официальным языком Ахеменидов. См. Леви, ук. соч., стр. 188.

ворил. В самом деле, даже сегодня на стенах американских домов делаются надписи по-латыни, а в Индии декоративно употребляют санскрит. При Артаксерксе II (404—359 гг. до Р. Х.) иранские ученые стали небрежно относиться к древнеперсидскому языку, что явствует из надписей последующей эпохи. Причиной этого не было вырождение языка, находившегося в употреблении, ибо староперсидский язык уже вышел из употребления и стал архаичным. Но, с другой стороны, можно представить себе, что в дворцовом церемониале ахеменидских царей Дария действительно называли хшайатия, хшайатиянам, а не шахиншах. Какова же была судьба арамейского языка после падения ахеменидской империи? Иностранные слова вошли в арамейские тексты, которые продолжали читаться на других языках. Я думаю, что надписи из Таксилы, из Пул-е Дарунта в Афганистане, из Мцхета в Грузии, из района озера Севан в Армении и из Арбусуна в Каппадокии¹, несмотря на арамейский шрифт, все написаны гетерографическим письмом.

Несмотря на наличие многих неразрешенных проблем историческое значение употребления арамейского шрифта ясно. В «едином мире» Ахеменидов арамейский язык, ставший лингвой-франка той эпохи, распространился даже на Индию и Среднюю Азию. Им продолжали пользоваться как гетерографическим письмом вплоть до первого века христианской эры.

При парфянах греческий и парфянский языки, последний в арамейском написании, употреблялись на равных правах. Остраки из Нисы дошли до нас от первой половины I в. до Р. Х. Они показывают, что в ту эпоху парфянское письмо продолжало быть близким ахеменидскому и что большинство слов все еще писалось арамейскими идеограммами. Спустя три века, когда парфянское царство пало, соотношение изменилось и большинство слов стало писаться иранскими, а не арамейскими идеограммами. Культура парфян тоже прошла через эволюцию от греческой (или эллинистической) до иранской. Имена, упоминаемые в остраках из Нисы, — иранские и в большинстве своем зороастрийские, как отметили В. Лившиц и И. Дьяконов: 'hwrmzdyk, 'rybrzn, bgrgn и т. д. Но, с другой стороны, материальная культура была безусловно греческой. Были обнаружены сотни ритонов классического стиля, греческие колонны, статуэтки греческих богов и богинь (Диониса, Афродиты). Насколько здесь сказывалось влияние греко-бактрийцев, трудно сказать, но ясно, что материальная культура парфян, по крайней мере в важном и значительном городе Нисе, была более греческой, чем иранской. Я не думаю, чтобы среди аристократии произошел внезапный отрыв от греческой и переход к иранской материальной культуре. Как только будут опубликованы результаты раскопок Р. Гиршмана в Шапуре, продолжающееся греческое влияние даже во времена Сасанидов станет ясным для всех. Правда, греческие культурные влияния уменьшаются, как и следовало ожидать, но тот факт, что Волагез I (51—79 гг. по Р. Х.) применил арамейские буквы при чеканке монет, еще не доказывает наличия реакции против всего греческого². Так же ошибочно весьма распространенное мнение, что парфяне были иностранными филэллинами в Иране, тогда как Сасаниды были национальной реакцией против чужеземщины. На самом же деле страны покоренной ахеменидской империи приняли греческую культуру и со временем слили ее воедино со своей. Однако в Парсе и в эламских провинциях, где расположены Персеполь и Сузы, местные традиции продолжали существовать. Парс — родина Ахеменидов — особенно отличался своим консерватизмом; все монеты имели иранские легенды арамейским письмом, а на оборотной стороне — вид храма (позже алтаря священного огня). Это дает основание предполагать, что зороастризм продолжал господствовать в Парсе,

¹ F. C. A n d r e a s, Erklärung der aramäischen Inschrift von Taxila, «Nachrichten der Gesellschaft der Wissenschaft zu Göttingen», 1932; W. B. H e n n i n g, The Aramaic Inscription of Asoka found in Lampaka, BSOAS, 13 (1949), стр. 80—88; M. L i d z b a r s k i, Ephemeris für Semitische Epigraphik, Giessen, 1902, стр. 59—74; И. М. Дьяконов, К. Б. Старкова, Надписи Артаксия (Арташеса I) царя Армении, ВДИ, 1955, № 2, стр. 161—174.

² U. K a h r s t e d t, Artabanos III und seine Erben, Bern, 1950, стр. 23.

хотя возможно, что в других частях Ирана он прошел через синкретический процесс с греческими и сирийскими религиями. Нужно иметь в виду, что сложного ритуала огня и (церковной) организации сасанидского зороастризма тогда еще не было, хотя некоторые элементы уже существовали. (Между прочим, я подозреваю, что некоторые из арамейских граффити на стенах персепольского гарема принадлежат парфянской эпохе). Парс был исключением среди иранских провинций.

Парфяне ничем не отличались от всего остального населения Ближнего Востока. Их проэллинские чувства, вероятно, не многим превышали подобные же чувства правителей Парса. Нужно искать других причин для падения парфянской державы, кроме реакции против эллинизма.

Парфянское государство было в действительности основано Митридатом I (171—138 гг. до Р. Х.), покорившим Мидию, Парс, Армению и Месопотамию. Вслед за его завоеваниями вассалитет заменяет систему сатрапов или стратегов, назначавшихся селевкидским правительством. На сцену выходят крупные феодальные фамилии парфян. Исследования польского ученого-классика Иозефа Вольского показывают, что парфянские властители от Митридата I до Митридата II (умер в 88 г. до Р. Х.) были сильными самодержцами, однако после Митридата II власть приобретает доминирующее значение и не теряет его вплоть до Ардашира, создавшего централизованное правительство¹. Нам известны многие семьи: Сурен из Сейстана, Карен из Мидии (Нехавенд), Гев из Гиркании (Горгана), Мехран из Рея, Аспадиати из Туса (Tos) и др. Сложная история их крупных феодальных владений еще совсем неясна. Есть основание предполагать, что при Артабане III (41—38 гг. до Р. Х.) пришла к власти одна из побочных ветвей аршакидской семьи, ибо, согласно Карштедту, Артабан принадлежал к гирканской знатной феодальной семье Гев. Как видно, это не поправилось другим Аршакидам, потому что в это время было много восстаний в парфянском государстве, и государство Гондофара (Каспар Бибили) распространялось в Индию и также в Иран. Правы были арабы, назвавшие этот период *mulūk at-tawā'if* «Teilkönige». Упорная политика Волагеца I (51—80 гг. до Р. Х.) сажать своих родственников на разные провинциальные троны шла вразрез с интересами централизации. Важным показателем неустойчивости положения в парфянских владениях служат сведения о девальвации монет при Волагеце I и его наследниках. Это важнее, чем постепенная варваризация греческих легенд на монетах и художественного качества чекана². Ухудшение сплава в монетах идет параллельно увеличению внутренней слабости государства и военным поражениям со стороны могущественной Римской империи. Парфяне, кажется, никогда не чеканили золотой монеты, хотя золото было в обращении, так как они были соседями римлян и кушанов. Экономический анализ парфянского периода на основании острок из Нисы и других имеющихся источников был бы очень интересен и поучителен. К сожалению, объем настоящей статьи не позволяет обратиться к экономическим вопросам в связи с падением парфянского государства.

Мы мало знаем о парфянской бюрократии и аристократии, но ясно, что парфянское государство было империей, полной разнообразия. Под властью βασιλεὺς βασιλέων, или ML.Kyn MLK³, стояли цари вроде царя Кермана, царя Сакастана, царя Мерва и сатрапы в таких местностях, как Сузы, Селевкия и т. д. Другие титулы и политические подразделения известны из греческих источников и по терминам, заимствованным армянским языком. Примером последних может служить титул *nhwdr nahvačar* (так дано в надписи, правильная форма — нахвадәр, с долгим а), парфянское слово, заимствованное армянским языком и принявшее форму *nahvačar* «феодальный начальник» (вождь)³. Титулы парфянской аристократии не были так точно определены, как при Сасанидах, и нет сомнения, что конфликты между вассалами, властителями, состояв-

¹ J. Wolski, *Remarques critiques sur les institutions des Arsacides*, «Eos», 46 (1952), стр. 59—82.

² J. de Morgan, *Numismatique de la Perse Antique*, P., 1927, стр. 74, 307.

³ W. B. Henning, *A new Parthian Inscription*, JRAS (1953), стр. 132—136.

шими в договорных отношениях с царем царей и сатрапами последнего, существенно ослабляли парфянскую власть. В хронике Арбелы, сирийской рукописи, найденной проф. Мингана, — ценном источнике по истории месопотамского государства Адиабены, мы читаем¹: «В это время Волагез Четвертый (191—207 гг. по Р. Х.), царь парфян, стал силен... и пошел на страну персов, которые были давно готовы дать ему отпор». И далее в той же хронике: «Раньше [до Артабана Пятого, 213—226 гг.] персы старались свергнуть власть парфян; много раз они тратили свои силы на войне, но были побеждены и удерживались в подчинении могуществом парфян. Однако из-за войн и разладов эти парфяне ослабели, и когда персы и меды это поняли, они вступили в союз с Сахаратом, царем Адиабены, и Домицианом, царем Киркука, и весной начали великую войну против парфян. Парфяне были побеждены и навсегда потеряли свою власть» (стр. 60). Таким образом, парфяне были свергнуты союзом своих же вассалов. Власть Аршакидов уступила место централизованному государству, обладавшему бюрократией, напоминавшей канцелярию Ахеменидов, и государственной религиозной организацией, так много сделавшей для упрочения власти новой династии.

Р. Фрай